

Три ключа до четверга

Анна Безфамильная

Анна Безфамильная

Три ключа до четверга

«Автор»

2026

Безфамильная А.

Три ключа до четверга / А. Безфамильная — «Автор», 2026

Варя Левина приехала в Реченск на четыре дня: разобрать бабушкину квартиру, показать её покупательнице и вернуться к работе в Петербурге. Всё уже решено — до четверга нужно только освободить комнаты. Но в квартире хозяйничают чужие люди, один из трёх старых ключей непонятно что открывает, а сосед Илья слишком легко превращает помощь в право решать за других. Старый снимок возвращает Варю к письму, которого она когда-то так и не дождалась. Теперь ей предстоит разобраться с семейным молчанием и с собственным желанием остаться рядом с человеком, которому хочется доверять. Законченная романтическая повесть о непростом возвращении домой и праве самой выбирать свою жизнь.

© Безфамильная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужие тапочки	5
Глава 2. Номер на обороте	8
Глава 3. Без ретуши	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Три ключа до четверга

Глава 1. Чужие тапочки

Большой ключ повернулся, но дверь открылась всего на ладонь и упёрлась в таз.

— Мам, подвинь! — крикнула Варя.

Из квартиры ответил незнакомый мужчина:

— Сейчас, секунду.

Варя придержала дверь коленом. На лестничной площадке пахло мокрым деревом. Из щели показалась рука, потянула таз, и Варя увидела прихожую: мужские кроссовки под вешалкой, детский рюкзак на банкетке, ведро с серой водой. На бабушкином коврике стояла девочка в длинных носках. Один носок сполз под пятку.

— Вы к кому? — спросила девочка.

Варя посмотрела на цифру три, прибитую к двери.

— Вообще-то домой.

— Соня, пропусти человека. — Мужчина поднял таз. В нём лежали мокрые тряпки. — Здравствуйте. Вы Варвара?

— Варя.

Он отступил. Из кухни вышла мать, в просторной бабушкиной рубашке с закатанными рукавами.

— Уже приехала? Я думала, после часу. Мы тут как раз заканчиваем.

Варя переступила через шнур удлинителя. Колёсико чемодана застряло между половинцами.

— Я написала тебе, когда села в такси.

— Телефон в сумке. Руки мокрые были.

В комнате на двух стульях сохло старое покрывало. На спинке одного стула висела упаковка стирального порошка. Книжный шкаф отодвинули от стены; вдоль батареи стояли доски от полок, на подоконнике — жестяные банки без крышек. С кресла исчез плед. Его место заняли отвёртка, рулетка и пара рабочих перчаток.

Мужчина поставил таз на кухне и вытер руки полотенцем, которое Варя узнала. На нём всё ещё читалось вышитое бабушкой «Для рук».

— Илья Котов. Я напротив живу, в четвёртой. — Он кивнул на девочку. — Соня, моя дочь.

— Вы здесь ремонт делаете?

— Подвал разбираем. Вашу маму попросили пустить ненадолго. Деревянное сегодня промыли, надо было просушить в тепле.

— А почему здесь?

Ольга взяла с комода телефон и посмотрела на экран.

— У них места мало, Соня свою комнату к школе разбирает. Я покрывало ещё постирала, пока стиральная машина подключена. Здесь-то пусто.

Варя поставила чемодан у стены и сняла сумку с камерой. От вокзала Реченска до Тихого переулочка оказалось семь минут на такси. Она рассчитывала зайти в пустую квартиру, открыть окна и спокойно поработать. В этом доме было всего шесть квартир; стоило одной семье заняться уборкой, и вещи уже разошлись по чужим комнатам. Положить сумку было некуда. Она посмотрела на кухонный стол: целлофан, две банки с кистями, перевёрнутая хлебница.

— Здесь квартира. Моя. Я приехала в ней жить до четверга.

Мать расправила рукав.

— Я же не знала, что тебе это помешает. Мы всё уберём.

— Ты знала, что я приеду. И что буду фотографировать квартиру для Марины.
Из комнаты выглянула Соня.

— Пап, мне можно пока пойти домой?

— Конечно. Только рюкзак возьми.

Девочка подхватила его с банкетки. Варя посторонилась и заметила у двери маленькие серые тапочки с жёлтой звёздочкой. Бабушка всегда требовала, чтобы гости переобувались. Варя тоже привычно поискала свои — с кривым швом на правом носке. Не нашла.

— Я не против вас, — сказала она Илье. — Но мне нужно, чтобы комнату освободили сегодня. К вечеру.

— Освободим. Куда поставить доски после просушки, уже есть.

Он говорил ровно, без улыбки человека, который рассчитывал обаять и оставить всё как было. Варя немного отпустила ручку сумки.

— И если ещё кому-то понадобится сюда войти, сначала позвоните мне. Не маме.

— Договорились.

— У тебя ведь свой ключ? — обратилась Варя к матери.

— У Ильи запасной. Бабушка оставляла, когда за город уезжала. Вдруг что с водой.

Варя посмотрела на связку у себя в руке. Большой плоский ключ от квартиры, латунный с потёртой синей меткой, маленький короткий. После похорон она забрала их с кухни, где они висели на гвозде, и с тех пор почти не доставала из кармана дорожной сумки.

— Синий от подвала, — сказал Илья. — А маленький я не знаю.

— От её ящика, наверное, — ответила мать. — Потом разберёмся.

Варя убрала связку. Продолжать разговор при незнакомом человеке не хотелось. Она прошла на кухню и освободила угол стола для камеры.

Позвонила Марина. Варя ответила, не снимая пальто.

— Добрались? Всё в силе?

— Да.

— Надежда Андреевна сможет в четверг в два. Вместе с дочерью, для неё смотрят. Я им сказала: квартира жилая, состояние обычное. Три миллиона двести пока оставляем?

— Оставляем.

— Хорошо. Новые фотографии пришлёте сегодня? И выписку, которую я просила.

— Пришлю.

Они ещё раз сверили список. Наследство было оформлено летом, документы лежали в отдельной папке. Варя боялась забыть её в Петербурге и трижды проверила перед отъездом. Теперь папка торчала из бокового кармана чемодана, зажатого чужим рюкзаком всего минуту назад.

— Покупательница у вас есть? — спросила мать, когда Варя закончила.

— Просмотр. Ничего пока не подписано.

— И ты уже решила.

— Я за этим приехала.

Ольга молча вынула хлебницу из пакета. Под ней оказалась тарелка с тремя бутербродами, прикрытая второй тарелкой.

— Поешь хоть. С поезда.

Варя успела купить на вокзале кофе и невкусную булку. От сыра пахло укропом. Она сняла пальто.

— Мне надо сначала отправить заказ. Там совсем немного осталось.

Вчера она отсняла серьги для постоянной клиентки и обещала готовые файлы к понедельнику. На ноутбуке оставалось выровнять цвет двух пар: зелёный камень упрямо выходил синим. В Петербурге на кухне, за которую вместе с комнатой она платила тридцать шесть тысяч

в месяц, приходилось убирать фон перед каждым ужином. Здесь стол был большой. Когда с него убрали банки, возле ноутбука осталось место даже для тарелки.

Мать наклонилась к экрану.

— Это изумруды?

— Стекло.

— Как настоящее. А синее, по-моему, даже красивее.

— На фотографии синие, человек закажет синие. А придут зелёные. Мне потом клиентка всё вернёт.

Варя открыла рядом фотографию цветовой шкалы и уменьшила насыщенность. Теперь металл перестал казаться розовым. Мать немного посмотрела и отошла к мойке, не предлагая больше выбрать цвет на свой вкус.

Илья заглянул в кухню:

— С досками сам справлюсь. Покрывало пока сниму, на дверь повешу. Можно?

Варя кивнула и вернулась к экрану. Мать села напротив. Некоторое время обе слушали, как в комнате передвигают стулья.

Бабушка умерла в декабре. С тех пор Варя приезжала дважды, каждый раз ненадолго, и всё откладывала разбор. Теперь нужно было выбрать, что забрать в свою будущую квартиру в Петербурге, а что предложить соседям или вывезти. Из десяти вещей она пока могла уверенно назвать одну: стол продавать вместе с квартирой ей не хотелось.

— До шести успеем? — спросила она, когда Илья прошёл мимо с первой доской.

— Раньше. Мне в четыре к заказчику.

— Давайте тогда я тоже помогу. Только файлы отправлю.

Он вышел, осторожно обнеся доску вокруг открытой двери. Варя откусила бутерброд, подвинула тарелку и начала исправлять цвет.

Глава 2. Номер на обороте

Самая длинная полка не проходила поворот лестницы. Илья опустил свой конец, Варя упёрла доску в бедро и попросила его перестать объяснять.

— Я вижу, где перила.

— Сейчас зацепите.

— Если вы поднимете свой конец на десять сантиметров, я пройду.

Он поднял. Полка прошла.

— Ладно, — сказал Илья. — Десять сантиметров работают.

У подъезда они поставили доску на ребро. Варя встряхнула пальцами: рабочие перчатки оказались ей велики, ткань собралась под ладонью. Илья предложил взять другие, потоньше. Она выбрала пару из его ящика и на этот раз не стала отказываться.

Подвал открыли латунным ключом с синей меткой. Варя помнила низкую дверь, но всё равно ударилась затылком о притолоку.

— Чтоб тебя.

— Лучше пригнуться, — сказал Илья.

Она посмотрела на него.

— Вот эту часть объяснения стоило сказать раньше.

Внизу пахло известью и пылью. Вдоль прохода тянулись ячейки из деревянных реек. У одной дверцы висела табличка с четвёркой, у другой — потемневшая бирка «Левины». Над головой шли трубы. Новая вставка заметно выделялась среди старых: гладкая, без слоёв краски.

— В апреле лопнула, — объяснил Илья. — До ячеек вода дошла. Самое нижнее пришлось выбросить. Бумаги сразу подняли.

— А почему всё до сих пор разбираете?

— Вашу ячейку не трогали, кроме того, что намокло. Ольга сказала, вы приедете сами. Сейчас стену возле прохода доделывают, надо место освободить.

Варя поставила полку в пустую соседскую ячейку, куда указал Илья. Спросила, кому она принадлежит.

— Наталье со второго этажа. Она попросила эту доску оставить. Под рассаду.

У их ячейки замок был открыт. Внутри осталось два пустых чемодана, стойка от старого увеличителя и деревянный табурет. На верхней рейке висела бабушкина клеёчатая сумка. Варя потрогала сухую поверхность.

— Тут были коробки. С плёнками.

— У Степана Андреевича. В гараже. И зелёный железный ящик там же.

Коробки Варя помнила: на боку были написаны годы ещё до её рождения. Своих плёнок она здесь искать не собиралась. Бабушка когда-то сказала, что старое выбросила, и Варя поверила.

Варя достала из кармана ключи. Маленький лежал поперёк ладони.

— Этот, наверное, от него.

— У ящика замок маленький, да.

— Далеко гараж?

— За рынком. Только Степан у дочери. В среду вернётся, около пяти.

— Можно ему позвонить?

Илья вынул телефон.

— Давайте номер перешлю. Он мне вчера написал про среду. У него самого ключи, больше ни у кого нет.

У двери слышались шаги. Мать спускалась с плоской картонной коробкой.

— Это сухое. Я бы к тебе домой увезла, — сказала она Варя.

— Что там?

— Старые рамки, фото. Из шкафа. Подумала, ты посмотришь.

Варя взяла коробку. Та оказалась тяжёлой от стекла. В детстве бабушка учила переносить рамки вертикально, как тарелки. Она перехватила груз и поднялась обратно.

Илья задержался убрать остатки сгнившего картона. Наверху он поставил у двери пакет с мусором и начал убирать инструмент. Варя заняла подоконник коробкой. На некоторых рамках с обратной стороны были даты и карандашные отметки размеров. Бабушка сама печатала чёрно-белые фотографии, потом учила Варю снимать на старую плёночную камеру.

— Не надоело? — спросил Илья. — После работы ещё снимки разбирать.

— Эти я не обрабатывала.

Он взял со стола сломанную прищепку, но не выбросил.

— Нужна?

— Нет. А почему спрашиваете?

— В первый год я у себя выбросил пакет с обрезками провода. Потом оказалось, хозяин его двадцать лет собирал. Два месяца слушал, сколько там было меди.

— Квартиру снимали?

— Тогда да. Эту купил пять лет назад. Провода теперь сам собираю.

За стеклом одной рамки засохло насекомое. Варя отогнула металлические язычки, вынула задник и осторожно стряхнула его на газетный лист. На снимке были учителя у школьного крыльца; бабушка, тогда лаборантка, стояла с краю и смотрела мимо объектива. Возле каждого лица на обороте была фамилия. Варя узнала только троих, но всё равно положила фотографию отдельно: выбросить её вместе с пыльной рамкой теперь казалось глупо. Илья молча протянул ей чистую тряпку для стекла.

Варя нашла между рамками плотную папку. Внутри были снимки местного фотокружка: поездка на карьер, школьный двор, выставка в коридоре. Сначала она узнала свою куртку — короткую, вельветовую, с перешитой пуговицей. Потом лицо.

На фотографии Варя стояла у окна. Волосы были собраны кое-как, прядь прилипла к щеке. Она держала перед собой большой отпечаток и смеялась, отвернувшись от камеры. Такую фотографию она не помнила. Удивило, как открыто она смеялась: рот приоткрыт, виден кривой нижний зуб, который она потом всегда старалась прятать.

Она перевернула карточку. «Фотокружок „Ракурс“. В. Левина. Работа № 27». Ниже шариковой ручкой стоял год: 2010.

— Мам, смотри.

Ольга подошла, прищурилась.

— Совсем маленькая.

— Семнадцать мне тут. А это что за номер?

— Не знаю. Вера Павловна, наверное, подписывала.

Варя вернула фотографию лицевой стороной. На отпечатке в руках юной Вари угадывались ступени и две женские фигуры под одним зонтом. Этот снимок она делала с остановки возле поликлиники. Плёнку почти всю испортила, а один кадр получился. Бабушка тогда решила потратить на печать хорошую бумагу.

— Вы что тут снимали? — спросил Илья.

Она подвинула ему карточку.

— Двух женщин. Они автобус ждали. Я тогда серию на конкурс отправляла, четыре кадра. Этот среди них. Если бы отобрали, поехала бы в Петербург на мастерскую.

— Не отобрали?

— Нет.

Илья рассматривал фотографию недолго, потом положил на сухое место.

— А женщины-то получились?

— Я тогда считала, что да.

— Вы сам кадр найдите. Может, ещё считаете.

Варя промолчала. Сначала захотелось объяснить, что он не понимает, сколько она с тех пор наснимала. Потом она снова посмотрела на отпечаток в руках девочки у окна. Она помнила мокрый асфальт, отражение фонаря и как пыталась удержать в одном кадре зонт и фигуры. Пока наводила резкость, женщины чуть не ушли. А потом автобус задержался, и она успела снять их ещё раз.

В телефоне появился пересланный контакт Степана Андреевича. Варя написала, представилась и спросила, можно ли забрать бабушкины коробки в среду. Ответ пришёл, пока они выносили последнюю партию досок: «Конечно. К пяти буду. Позвоню как приеду».

Илья снял перчатки.

— Всё. Осталось покрывало забрать, оно ещё сырое по краю.

— До вечера пусть висит.

— Вы говорили освободить.

— Стулья освободили. Теперь помещаюсь.

Он кивнул, словно принимал уточнение к рабочему заданию. Варя поняла, что ждала от него какой-нибудь шутки про суровую хозяйку. Он просто унёс мусор.

Фотографию она оставила на подоконнике отдельно от рамок.

Глава 3. Без ретуши

Мать принесла картофельную запеканку в стеклянной форме. Варя собиралась сказать, что еды достаточно, но Ольга уже поставила форму на доску и снимала фольгу.

— Только не режь в ней. Покрытие поцарапаешь.

— Тут стекло.

— Всё равно.

Варя достала широкую лопатку. Запеканка развалилась, верхний слой съехал на край тарелки. Мать вздохнула, но поправлять не стала.

К пяти комната была свободна. Перед съёмкой Варя вынесла пакеты на лестницу, сняла квартиру при дневном свете и отправила Марине фотографии. Теперь пакеты снова стояли вдоль стены у дивана.

— Квартиру лучше пустую продавать? — спросила Ольга.

— Обсудим с покупателями. Кому-то мебель нужна, кому-то нет.

— А если скажут всё выбросить?

Варя положила лопатку.

— Мам, я не буду обещать бабушкин шкаф незнакомым людям, а потом звать тебя смотреть, как его выносят. Выберем заранее, что тебе нужно.

— Мне уже ничего не нужно. У меня у самой места нет.

Они ели. В холодильнике гудел мотор; каждые несколько минут что-то тихо постукивало. Варя помнила этот звук со школы. В Петербурге свой холодильник она первым делом разморозила, когда поняла, что в пакетах с продуктами больше не осталось ничего от бывшего соседа по квартире. Сам сосед съехал, оставив две треснутые кружки и лишний удлинитель. Бабушкина квартира хранила вещи куда упорнее.

— Ты могла бы пока не торопиться, — сказала мать. — Пожить тут. Работу же через компьютер делаешь.

— Через компьютер я отправляю. Снимать тоже надо. Иногда вещи присылают, иногда я еду на место.

— Я понимаю.

— Не похоже.

Ольга отвела глаза. Варя подвинула ей хлебницу, сама хлеба не взяла.

— Мне предложили место в студии, — сказала она. — В Петербурге. Постоянное. Я ещё не ответила.

— Будешь начальницей?

— Буду фотографом. С графиком, съёмочными днями и отпуском по договорённости.

— Это хорошо.

— Наверное. Я пока думаю.

Продажа казалась ей самым простым пунктом в длинном списке взрослых дел: взнос за своё жильё, ипотека, постоянный адрес. Она уже ходила на просмотры петербургских квартир, проверяла, далеко ли метро, куда поставить свет, можно ли работать дома. В одной кухне помещались только столешница и хозяин, который уверял, что диван прекрасно раскладывается в проход.

— Ты всё равно сюда не вернёшься? — спросила мать.

— Я хочу иметь возможность решать это сама.

— Разве я запрещаю?

Варя посмотрела на пустую тарелку, потом на мать.

— Сегодня в квартире уже распоряжались без меня. Я не хочу ещё раз объяснять, почему мне это не нравится.

Ольга выпрямилась.

— Хорошо. Ты права. Надо было спросить.

Ответ прозвучал так неожиданно, что Варя сразу не нашлась, чем продолжить. Она взяла обе тарелки и отнесла к мойке.

На подоконнике лежала фотография. Мать подняла её за угол.

— Ты ведь потом всё равно фотографом стала.

— Потом. Я ещё несколько лет вообще никому ничего не показывала.

— Ну, не несколько.

— Мам, я свои фотографии помню.

Ольга положила снимок.

— Может, лучше рамки упакуем? Стекло легко бьётся.

— Я про тот конкурс давно не думала. Забавно, что даже номер сохранился. Двадцать семь.

— Там, наверное, много работ было.

— Вера Павловна ещё здесь живёт?

Мать вытерла со стола невидимую крошку.

— Здесь. За аптекой, в жёлтом доме. По воскресеньям вижу на рынке.

В дверь постучали. Варя пошла открывать, обрадовавшись возможности закончить разговор.

Соня держала раскрытую тетрадь. Из соседней квартиры Илья окликнул её:

— Сначала спроси, свободна ли.

— Вы свободны? Нам про дом надо.

— Что про дом?

— «Место, где я живу». Надо дом, потом кто со мной живёт. И написать. Папа снял мусорные баки.

— Не только баки, — возразил Илья из-за двери. — Ещё очень красивую машину.

— Чужую.

Ольга вышла из кухни с сумкой.

— Мне пора. Запеканку доешь, форму потом заберу.

Она быстро попрощалась с соседями и спустилась. Варя постояла на площадке, глядя на тетрадь.

— Показывай, что получилось.

На телефоне Сони дом слегка наклонился влево. В нижней половине снимка и правда стояли баки. За ними белела машина, а над всем этим нависал палец Ильи.

— Палец в школьную работу включать будете? — спросила Варя.

— Это авторский почерк, — сказал он.

Соня не засмеялась.

— Мне завтра черновик показать. А в четверг сдать нормально.

Варя надела куртку. Вечерний свет ещё держался, стены дома были видны. Во дворе она предложила Соне выбрать, что именно той нравится.

— Окно моей комнаты, — сказала девочка.

— Тогда покажи, какое.

Соня подняла телефон. Варя присела рядом и попросила включить сетку на экране. Объяснила, как проверить, чтобы край дома не заваливался.

— А баки куда?

— Можно подойти ближе. Но окно тогда будет наверху, тебе неудобно. Попробуй отсюда, между деревьями.

Илья отвёл ветку. Потом опустил руку.

— Она мешает или нужна в кадре?

— Соня решает.

Девочка попробовала оба варианта. Выбрала тот, где ветка оставалась: на ней было одно жёлтое яблоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.